

№ 46 от 19.09.1997 г. 30 лет
Сумерки богов

"Пять вечеров с БДТ" на канале ТВ-Центр

Последний вечер был сочинен как рондо. Вначале — застольная речетия "Трех сестер" (1964 г.). В черно-белом кадре — Копелян, Юрский, Доронина, Лавров, Макарова, Стрельчик. Лица, молодые и прекрасные, светятся нескрываемым счастьем. В финале — те же, спешат в служебный гардероб, торопливо расписываются в речетиционном списке. Все такие же молодые и нескрываемо счастливые. Что за список? Вероятно, те же "Три сестры", 1964 год. Передача кончилась за полночь. Знаю, что многим не спалось.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ

Наталья КАМИНСКАЯ

Здание по адресу Фонтанка, 65 по-прежнему на своем месте. Все так же в назначенный час снимают с кресел партера гигантское покрывало (хороша эта заставка к каждому из пяти вечеров). В гримборных артисты БДТ готовятся к выходу на сцену. Многие, слава Богу, еще здесь и в хорошей творческой форме. Некоторые — тоже более или менее в форме, но уже не здесь. Многие (с, многих!) нет уже и там, ни здесь — нигде. Последними по времени ушли из жизни Евгений Лебедев и Валентина Ковель. Безострастный глаз телекамеры, пять вечеров подряд нацеленный на тронутые временем актерские лица, все еще интересные неопитам и бесконечно дорогие для тех, кто постарше, фиксирует их в почетном карауле у гроба товарища. Никто не вечен. Банальность, от которой не становится легче.

Но здание-то, слава Богу, на месте. Название — Большой драматический — тоже. Однако имя поменялось. Театр теперь, не имени М. Горького; а имени Г. Товстоногова. БДТ без Товстоногова. Сюжет для небольшого (пять вечеров по сорок минут) рассказа.

Товстоноговских артистов можно узнать, даже зашумевшись, по голосам. Густой, глубокий, четкий, но без нажимов на согласные прононс Г.А. прослушивается в мужских голосах. Но это бы ладно — и в женских. Чуть нараспее, чуть падалируя скрытую до времени страсть, чуть-чуть не как в жизни, "звучат" Копелян и Шарко, Стрельчик и Попова, Басиллашвили и Юрский, Макарова и Лавров... Нечеловеческая сила товстоноговской личности проникла в каждую клеточку артиста БДТ. При этом ни одного из них не называли ни товстоноговским "инструментом", ни его "выразительным средством", ни, если угодно, "тобиком с краской". Уникальное собрание под одной крышей ярких творческих личностей — вот что такое труппа Георгия Товстоногова. Но таких личностей, которые охотно и добровольно готовы "отдаться" тому, кто выше, мощнее, значительнее и может отвечать за все. Артист Г. Богачев так и формулирует самое существенное для БДТ эпохи Товстоногова, формулирует грубо и по-жизни — "отдаться". Он при этом ближе всех к истине. К самой сути театра репертуарного, ансамблевого. Театра лидерского, авторского. Театра, построенного по законам семьи, но семьи патриархальной, где женское (актерское) начало беспреклассово подчиняется, а мужское (режиссерское) безраздельно диктует. И то, и другое — по взаимной любви.

В кадре Товстоногов. Он отвечает на упреки, что не воспитан, дескать, под своей крышей режиссера-преемника. "Это невозможно внутри одного театра! Да, внутри такого, как БДТ его эпохи, — невозможно. Равно, как в нормальном доме не может быть у одной жены двух мужей, а у одного и тех же детей — двух отцов. Жесткой диктат, унитарное правление — в них корень и счастье, и драма. Блажен артист, который прожил здесь жизнь в гармонии добровольного подчинения чужой творческой воле. А удел того, кто расписан на собственной, — оплавить одинокое плавание. Возвращение блудного сына — не товстоноговский жанр. Такова

подлинная жизнь подлинного театра. И нечего искать правых и виноватых.

Автор Пяти вечеров с БДТ Л. Гордиенко и режиссер А. Дзюровольский последовательно раскручивают сюжет на тему мощной и потрясающе цельной творческой аластии. Сюжет генерального товстоноговского одиночества. Сюжет очевидного сиротства его блистательных артистов после ухода Мастера. Показательно, что сумерки БДТ более всего ощущают те, кто попал к Товстоногову в период его собственного неумолимого физического ухода, — умницы А. Фрейндлих и В. Ивченко. Тем, кто прошел с ним весь путь, легче. Но, с другой стороны, — горше. Легендарный товстоноговский завлит Дина Шаарц, актеры Лавров, Басиллашвили, Шарко, Толубеев, Крючкова, Штиль, Богачев, Ольхина, Трофимов, старожил Призван-Соколова, потрясшая живостью впечатлений и точностью оценок, — все они с редкой откровенностью и непокладным достоинством констатируют факт. Сумерки. Трагический промежуток. Реальный уход краткого чуда театра. Сценическая история знает такие примеры. Выходы отцов ярких и дельных по времени коллективной жизни: совсем немного. Товстоноговские спектакли один за другим сходят с репертуара. Но и те, что еще идут, жизнеспособнее иных возрожденных.

Драма, заложенная в самой краткости жизни театрального организма, в особенности жизни яркой и мощной, — эта драма куда острее любых конкретных переживаний, тем паче — политического свойства. Товстоногов, похоже, не любил рассказывать о своих столкновениях с властями. Об этой стороне жизни БДТ не знали большинство его поклонников. Ев для них как бы и не было, хотя, на самом деле все было — и мидетские комиссии, и грубое вмешательство в творческий процесс... Запрет "Римской комедии" Л. Зорина. Драматург и по сей день считает, что, будь на месте Товстоногова Любимов, спектакль бы состоялся. А Товстоногов, выходит, спесовал? Вот еще один феномен его личности — и это отчетливо обозначено в "Пяти вечерах". Для Товстоногова спектакль был величиной самоценной. Все, что он хотел сказать о времени и о людях, сообщал через сценический образ, актера, пьесу. И неважно, что это была за пьеса — классическая ли, современная ли. Его "Горе от ума" вызвало скандал. Но то был скандал из-за нового прочтения, смелого решения, наступления на театральную рутину. Шкотать же зрительские нервы прямыми политическими аллюзиями, намекать на что-то со сцены открытым текстом он считал для себя оскорбительным. Театр был для него абсолютной величиной, идеально объектно моделирующей жизнь. Все остальные способы привлечь внимания публики считал недостойными. Не оттого ли сыграть вопреки властям "Римскую комедию", устроить из спектакля общественный скандал было для него равносильно творческому поражению? Гордыня? Что бы ни было, но ныне все это — уходящая натура. Как и сам тип театра, замешанного на слишком высоких материях.

Говорят, в сценической коробке старого театра гнездятся тени бывших триумфаторов. Какой-нибудь театральный Агасфер ночью в пустом и гулком пространстве зала беседует с теми, кто когда-то срывал здесь бури аплодисментов. Но наступил день, кто-то снова спешит в служебный гардероб и торопливо расписывается в речетиционном списке. В кабинете Товстоногова все осталось на своих местах. В знаменитой примерке Юрского — все тот же потолок, испещренный автографами, великими и не очень. Но у тех, кто сегодня торопится на речетицию, другие лица и походы. Утрают другое и не так. Это уже совсем другой театр. А мы заломним те лица, такие молодые и прекрасные. Они были счастливыми. И мы вместе с ними.